

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВЫСШИХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МОСКОВСКО-ТАРТУСКАЯ
СЕМИОТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

История, воспоминания, размышления

Составление и редакция

С. Ю. Неклюдова

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1998

ББК 87.4
М 82

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 96-06-87118

М 82 Московско-тартуская семиотическая школа. История, вос-
поминания, размышления. – М.: Школа «Языки русской
культуры», 1998. – 384 с.

ISBN 5-7859-0081-5

Область науки, посвященная исследованию вторичных моделиру-
ющих семиотических систем, получила организационное оформление на
знаменитых тартуских летних школах, проводившихся по инициативе и
под руководством Ю. М. Лотмана (1964, 1966, 1968, 1970, 1974 и 1984 гг.).
Кроме тартуских ученых, в них принимали участие исследователи из Мо-
сквы, а также из Ленинграда, Риги и других городов; впоследствии это
направление в науке получило название «московско-тартуской школы».
Исследование вторичных моделирующих систем было областью междис-
циплинарной, куда входили теория культуры, религиоведение, мифоло-
гия, фольклор, искусствоведение, поэтика. В ней выработывалась своя «на-
учная парадигма», свои методы точного и строгого описания материала.
Сформировавшийся здесь подход к гуманитарному знанию во многом оп-
ределил направленность последующего научного развития. Труды ученых
«московско-тартуской школы» имели значительный международный ре-
зонанс и переведены на многие языки.

Предлагаемая книга ставит своей целью описание этого яркого фе-
номена нашей научной жизни – «московско-тартуской школы» – ее уча-
стниками (в форме статей, эссе и мемуаров), а также заинтересованными
наблюдателями и историками науки.

ББК 87.4

- © Авторы, 1998
- © С. Ю. Неклюдов. Составление, 1998
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя. 7

I

- Вяч. Вс. Иванов.* Из истории ранних этапов становления
структурного метода в гуманитарных науках славянских стран . . . 13
- Б. А. Успенский.* К проблеме генезиса тартуско-московской
семиотической школы 34
- Г. Г. Амелин, И. А. Пильщиков.* Семиотика и русская культура . . . 45

II

- Б. М. Гаспаров.* Тартуская школа 1960-х годов
как семиотический феномен 57
- Б. М. Егоров.* Полдюжины поправок к научной статье
Б. М. Гаспарова 70
- О. Г. Ревзина, Г. И. Ревзин.* Некоторые сомнения
по поводу статьи Б. М. Гаспарова 74
- Ю. И. Левин.* «За здоровье Ее Величества королевы английской!» . . 81
- Ю. М. Лотман.* Зимние заметки о летних школах 85
- И. А. Чернов.* Тартуская школа: извне и изнутри. 89
- Б. М. Гаспаров.* Почему я перестал быть структуралистом? 93

III

- Д. М. Сегал.* «Et in Arcadia Ego» вернулся: наследие московско-
тартуской школы семиотики сегодня 99
- М. Л. Гаспаров.* Взгляд из угла. 113
- Г. А. Лескис.* О летней школе и семиотиках. 117
- С. Д. Серебряный.* «Тартуские школы» 1966–1967 годов. 122
- Т. В. Цивьян.* Ad usum internum. 133
- В. Н. Топоров.* Вместо воспоминания. 137
- А. М. Пятигорский.* Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов 152
- С. Ю. Неклюдов.* Осенние размышления
выпускника летней школы 157
- Т. М. Николаева.* Трагедия культурного героя 162
- А. К. Жолковский.* Ж/Z-97. 175

IV

<i>Б. М. Гаспаров</i> . В поисках «другого». (Французская и восточно-европейская семиотика на рубеже 1970-х годов).....	213
<i>М. Де Микель</i> . Восприятие тартуско-московской семиотической школы в Италии.....	237
<i>Х. Баран</i> . Рецепция московско-тартуской семиотической школы в США и Великобритании.....	246
<i>О. С. Асписова</i> . Восприятие московско-тартуской семиотической школы в Германии.....	276
<i>Е. И. Балаховская</i> . Московско-тартуская семиотическая школа во Франции. (Будет ли переиздана в Париже «Структура художественного текста»?).....	294
<i>И. Границ</i> . Тартуско-московская семиотическая школа (взгляд из Венгрии).....	309

Приложение

<i>А. Н. Коваль</i> . Востоковедческая тематика в «Трудах по знаковым системам».....	341
Вместо послесловия.....	379

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сущности, эта книга не нуждается в предисловии — она сама говорит о своем предмете с достаточной полнотой. Всякое развернутое вступление неизбежно окажется лишь набором цитат и пересказов из ее основной части. Поэтому нам представляется целесообразным ограничиться кратким введением, призванным пояснить некоторые обстоятельства возникновения данного тома, его состав и композицию.

В августе 1964 г. человек тридцать ученых из Москвы и Тарту, прежде всего — лингвистов и литературоведов (преимущественно молодых), по инициативе Ю. М. Лотмана собрались на спортивной базе Тартуского государственного университета Кяэрику для обсуждения некоторых теоретико-методологических проблем гуманитарной науки. Их объединяла общность научных убеждений и идеологических ценностей, стремление к обретению единых операционалистических приемов и категориального аппарата. Эта десятидневная встреча получила название Летней школы по вторичным моделирующим системам.

Данное событие имело свою предысторию — как ближайшую, так и более отдаленную (о чем рассказывается в первом разделе книги). Однако, если устанавливать хронологические рамки того явления в отечественной интеллектуальной жизни, которое впоследствии получило название Московско-Тартуской (или Тартуско-Московской) школы, временем его возникновения уместно считать именно август 64-го. К этому следует добавить, что кроме тартуских и московских ученых, постоянными участниками Летних школ (и шире — Московско-Тартуской школы вообще) были исследователи из Ленинграда, Риги и других городов.

Основными центрами структурно-семиотических исследований в СССР на протяжении всего периода существования данного направления были Сектор структурной типологии славянских языков Института славяноведения (позднее — Отдел типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики) АН СССР в Москве и Кафедра русской литературы Тартуского государственного университета в Эстонии, причем научная деятельность обоих центров далеко не исчерпывается интересующей нас тематикой. Отдельное рассмотрение их трудов — занятие

увлекательное, но не укладывающееся в рамки проблематики данного сборника¹.

В течение десяти лет было проведено пять Летних школ — в 1964, 1966, 1968, 1970, 1974 гг. (последняя официально называлась Всесоюзным симпозиумом по вторичным моделирующим системам). Правда, вне этого временного периода состоялась еще одна Школа (1986 г.), но она относилась уже к другой эпохе, имела иной идеологический и научный контекст. Вероятно, для постоянных участников она осталась чем-то вроде юбилейной «встречи ветеранов» и одновременно прощанием с прошлым; показательно, что в своих последующих статьях и эссе, посвященных данной теме, они о ней почти не вспоминают.

С 1964 г. в рамках Ученых записок ТГУ издавались «Труды по знаковым системам», которые можно считать печатным органом Московско-Тартуской школы. Всего выпущено 25 томов этой серии (последний — в 1992 г.); публиковались и сопутствовавшие конференциям сборники материалов. Их наиболее полную библиографию см. в кн.: Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994, с. 497–537.

Описанное событие имело и далеко идущие последствия. Пожалуй, в советской гуманитаристике второй половины века не было ничего, сравнимого с Московско-Тартуской школой — если говорить о впечатлении, произведенном ею на научную жизнь. Речь, конечно, прежде всего идет об отечественной традиции, причем подобный интерес распространялся далеко за пределы обеих столиц, подчас достигая, несмотря на мизерные тиражи, и весьма отдаленных провинций. Можно предположить, что сформулированный в рамках школы структурно-семиотический подход к гуманитарному знанию во многом определил направленность и характер нашего научного развития последующих десятилетий.

Однако труды Московско-Тартуской школы привлекли к себе внимание и зарубежной науки, получив некоторый международный резонанс (см. четвертый раздел настоящего издания). Десятки ее работ были переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский и другие языки; о Московско-Тартуской школе написано множество трудов, хотя, конечно, масштаб ее реального влияния на гуманитарные дисциплины в Европе и Америке не надо преувеличивать.

В 1989 г. в «Венском славистическом альманахе» вышла статья Б. М. Гаспарова «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен». Предложенная интерпретация вызвала острое несогласие его бывших коллег по Московско-Тартуской школе, что повлекло за собой со стороны участников Летних школ целую серию полемических статей — «ответов» (второй раздел) и просто воспоминаний (третий раздел).

Можно сказать, что научное направление, завершившись и оглядев себя с позиции уже достаточного временного отдаления, вступило в период авторефлексии. Однако можно также предположить, что к настоящему

¹ Избранные труды Сектора структурной типологии с обстоятельным аналитическим введением и с приложением мемуарного очерка И. И. Ревзина изданы недавно: Из работ московского семиотического круга. Сост. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М., 1997. Хотелось бы увидеть и аналогичный том трудов тартуских семиотиков.

времени и эта фаза развития миновала. Московско-Тартуская школа должна занять свое место в истории отечественной науки в качестве одного из ее эпизодов, о котором судить будут объективно и беспристрастно — как о факте все более и более отдаляющегося прошлого.

Это, конечно, не значит, что наследие школы остается во вчерашнем дне, полностью утрачивая актуальность. Просто используемые ею (и в значительной степени разработанные в ее рамках) структурно-семиотические парадигмы и аналитические приемы (во всяком случае те, которые доказали свою эффективность) перестают осознаваться как специфические лишь для узкого круга исследователей Московско-Тартуской школы и активно отторгаться научными кругами, не разделяющими ее идеологии. Практически они становятся неопознаваемым по принадлежности «общим достоянием», входят в плотно утрамбованную почву гуманитарного знания, поверх которой (и отчасти из материала которой) формируется следующий слой. По времени это почти совпадает с появлением в мировой науке пост-структуралистских концепций, принимаемых, хотя и в разной степени, многими участниками Летних школ.

Цель предлагаемого издания — описать момент перехода в «сухую» историю события бывшего и завершенного, но еще переживаемого как факт личной биографии довольно большим количеством творчески активных людей. Соответственно, здесь публикуются работы (статьи, эссе, мемуары) участников Московско-Тартуской школы, а также ее заинтересованных наблюдателей, с одной стороны, и историков науки, с другой.

Именно поэтому, наряду с вполне «академическими» историческими экскурсами, во втором и третьем разделах книги (а иногда — и в некоторых других) весьма сильно звучит субъективная, личная интонация. Нелепо видеть в этом желание утвердить себя в истории — авторы книги располагают правом вспоминать о своем минувшем, об обыденности, на наших глазах становящейся историей; писать о своей жизни.

И, наконец, последнее. Для создания максимальной полноты картины было сочтено целесообразным собрать под одной обложкой все материалы, касающиеся истории Московско-Тартуской школы. Поэтому мы сознательно не избегали перепечаток. Многие из текстов, в том числе важнейших, ранее уже публиковались (иногда и не единожды): в газете Тартуского университета «Alma mater» (1991–1992, № 5–8), в сборнике «Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа» (М., 1994, с. 265–351, раздел «Тартуско-московская семиотическая школа глазами ее участников»), в журнале «Новое литературное обозрение» (№ 3 [1993], с. 29–87, раздел «Из истории московско-тартуской семиотической школы») и в некоторых других изданиях. Остальные статьи подготовлены для нашей книги специально.

С. Ю. Неклюдов

19 января 1998 года

I

Вяч. Вс. Иванов

ИЗ ИСТОРИИ РАННИХ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ СТРУКТУРНОГО МЕТОДА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Более чем столетняя история постепенного вызревания структурного подхода к языку и словесному искусству в славянских странах открывается блистательной деятельностью Казанской лингвистической школы в то время, когда в ней участвовал вместе с ее создателем И. А. Бодуэном де Куртенэ (1845–1929) талантливейший (а точнее гениальный, хотя по малости срока работы, прерванной тяжким недугом, едва начавший реализовываться) его ученик Н. В. Крушевский (1851–1887). Оба ученых были поляками по рождению, писали работы на польском и русском языках, а Бодуэн позднее был связан с Польшей и по времени, когда после Казани и Тарту в конце века он читал лекции в Кракове, и по последнему периоду жизни (напомним, что на первых президентских выборах после первой мировой войны в Польше он баллотировался как кандидат от национальных меньшинств). Этим объясняется и ставшая широко известной парадоксально звучащая формулировка «казанская школа польской лингвистики» и более трезвое наблюдение о том, что в деятельности этой школы нашло наивысшее выражение сотрудничество русской и польской культур в науке о языке, много значившее и для самой истории обоих славянских языков, вновь сведенных вместе судьбой [Jakobson 1971–81: II, 451–455]. При знакомстве с трудами Крушевского и Бодуэна поражает одновременно и глубина проникновения в законы, управляющие языковыми структурами и их эволюцией, и медленность усвоения этих выводов (часто с почти вековым опозданием) мировой наукой. По словам родоначальника современной лингвистики Ф. де Соссюра, в чьем посмертном «Курсе общей лингвистики» сказалось заметное влияние Крушевского, «Бодуэн де Куртенэ и Крушевский стояли ближе, чем кто-либо иной к теоретическому пониманию языка, не выходявшему при этом за пределы чисто линг-

вистических умозаключений; между тем, они остались неизвестны миру западных ученых» [Saussure 1954]. Обратное по отношению к Крушевскому сказать нельзя: он первым оценил по достоинству и развил в своих трудах [Крушевский 1880, Крушевский 1881] поразительное открытие молодого Соссюра, заложившего благодаря структурному подходу к чередованиям гласных основы будущей ларингальной теории, которой суждено было в XX в. перевернуть все индоевропейское сравнительно-историческое языкознание. Впервые вслед за Соссюром Крушевский вводит и обозначение «фонема» по отношению к основной единице, определяющей структуру звуковой стороны языка (у Соссюра термин «фонема» обозначал структурный элемент внутри индоевропейских чередований). Теория фонем и морфонологических чередований, разработанная Бодуэном и Крушевским столет назад, оказалась наиболее весомым вкладом Казанской школы в мировую науку. При пересмотре основных концепций этой теории современная лингвистика вновь и вновь обращается к идеям Бодуэна [Anderson 1981: 512–514]. У него и Крушевского впервые было сформулировано как различие собственно фонетической стороны языка («антропофонической» в терминах Бодуэна) и стороны фонологической (фонемной), так и связь этого различения при описании современных языков с анализом результатов их исторического развития, которое должно быть объяснено общей типологией. Динамический подход к языку, объединяющий синхронное описание с диахроническим (эволюционным) подходом, делает идеи Казанской школы созвучными наиболее новым исследованиям, именно в этой связи ссылающимся на Бодуэна [Greenberg 1979].

Крушевский, как и молодой Бодуэн, был из числа ученых, целиком обращенных к будущему. Такая установка, при ее радикальности, у Крушевского доведенной до предела, обеспечивает ученому почти полное одиночество среди современников и полноту признания лишь через несколько поколений. Современная Крушевскому наука о языке его совершенно не устраивала. «Структурную систему» языка в его будущей феноменологии Крушевский хотел понять не эмпирически, к чему стремилась становившаяся господствующей младограмматическая школа, а дедуктивно, что делает его предшественником современной математически ориентированной лингвистики. В своем наброске общей теории языка, изданном в 1883 г. и с тех пор переиздававшемся лишь в иностранных переводах и в извлечениях в хрестоматиях (что, как и отсутствие полных изданий рукописей Крушевского, свидетельствует о том, что в полной мере его признание и спустя столетие еще осталось за будущим), Крушевский излагает в терминах науки о системах знаков некоторые из общих семиотических законов, управляющих процессами эволюции языка: «если язык есть не что иное, как система знаков, то идеальное состояние языка будет то, при которой между системой знаков и тем, что она обозначает, будет полное соответствие... все развитие языка есть вечное стремление к этому идеалу» [Крушевский 1956].

С представителями новейших семиотических течений Бодуэна и Крушевского (глубоко продумавшего аналогии языковой и биологической эволюции, теперь ставшие в центре внимания ученых благодаря открытиям молекулярной эволюционной теории) сближало и стремление к пониманию бессознательного характера языковых явлений. Бодуэн позднее отметит и важность сознательного регламентирования. Как формулировал свою основную мысль Бодуэн в докладе краковскому обществу им. Коперника, и бессознательные (*nieświadome*) психические явления можно подвергнуть осознанию (*uświadomość*) [Якобсон 1978]. После смерти Крушевского Бодуэн постепенно переходит к переосмыслению теории фонем (для изложения которой он разрабатывает особую математикообразную систему символической записи) как «психофонетики». Фонема как структурная единица в этих психологических терминах противопоставляется «звукопредставлению». Хотя фонологические работы Бодуэна рубежа веков, изданные им польски [Courtenay 1894; Courtenay 1904], по-русски [Куртэнэ 1963] и в переводах на другие языки, часто раньше подвергались критике за их психологизм, в правомерности такого подхода теперь не приходится сомневаться. Для целого ряда областей, имеющих важные практические приложения (к физиологии восприятия звуков речи, их автоматическому восприятию), оправдан и подход к фонеме с точки зрения ее психологической реальности. Сам Бодуэн в этой связи ссылаясь на отражение фонем в рифмовке и в письме (в частности, он дал объяснение передаче единой фонемы *u/ы* в русском письме [Jakobson 1971–81: II, 410, примеч. 68], остающееся непревзойденным). Позднейшая критика была обращена скорее против обобщения психологического подхода на всю фонологию, хотя Бодуэн грешит этим меньше, чем многие современные лингвисты, почти целиком растворяющие фонологию в психологии [Anderson 1981: 494]. Лингвистика постоянно балансирует между стремлением утвердить свою (законную как у любой науки, имеющей свой объект изучения) самостоятельность по отношению к психологии, на чем настаивала Казанская школа и Соссюр (а вслед за ним и структуралисты, как и новейшие продолжатели Хомского [Anderson 1981]), и противоположной тенденцией, обнаруживающейся у позднего Бодуэна и у многих представителей порождающей фонологии и находящей обоснование в том, что внутри говорящего и слушающего фонемы имеют психофизиологическую реальность. В курсе лекций по языкознанию, который Бодуэн читал на рубеже первых двух десятилетий XX в. в Петербургском университете, он ввел понятия мельчайших артикуляционных и акустических единиц, на которые можно членить фонемы, подойдя тем самым вплотную к теории фонологических различительных признаков, ставшей важнейшей частью фонологии.

Из учеников Бодуэна петербургского периода для развития структурной теории языка и словесного искусства более других сделал Е. Д. Поливанов (1891–1938), учившийся и у самого Бодуэна, и у его ученика — фонолога и фонетиста Л. В. Щербы (1880–1944), чьи воз-